

Даша Сказ

Вперёд, за Фениксом!
Станем Сильнее

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С42

Сказ, Д.

С42 Вперёд, за Фениксом! Станем Сильнее / Д. Сказ. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 402 с. — (Вперёд, за Фениксом!).

ISBN 978-5-521-92153-9

Проводник Феникс продолжает собирать наследников мира Зеркал. Трое уже позади: великая княжна Мира, императрица-ван Айминь и сын фараона Имхотеп.

Дальше только сложнее: теперь проблемы стран не такие простые и однозначные. Фениксу и его друзьям придётся столкнуться с предательством, недоверием, предубеждением. С викингами и ледяными духами, королевским двором и древним культом, и двумя подводными государствами, веками воюющими за право жить или умереть. Но самое страшное из испытаний Феникса — борьба с чувствами к наследнице Мира, против которых выступает сама Создательница. Мире же придётся быть отвергнутой, справиться с ненавистью и помочь Фениксу не только разобраться с его миссией, но и с его чувствами.

Как бы ни терзали страхи и горести, единственное, что поможет — это стать сильнее для мира, который Феникс, Мира и их друзья так любят и так хотят спасти.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Сказ Д., 2023
© Шавлохова И., оформление, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-92153-9

ПРОЛОГ

Смертные... Загадка — что послужило причиной их рождения. Желание Создательницы? Беспощадная природа? Или что-то другое — за пределами понимания?

А может, оно — лишь насмешка Судьбы? Лишь тот, кто способен услышать потусторонний шёпот древних, сможет узнать.

Однажды множество невидимых ног ступило на девственные земли Зазеркалья. Безжизненная материя наполнилась энергией от одного лишь прикосновения, и с того мига наступил пышный расцвет. Ибо те невидимые ноги принадлежали нимфам — волшебным девам, что явили собой саму силу созидания.

Один взмах руки — и вверх устремлялись горные хребты. Один лёгкий шаг — и волнами проливалась полноводная ре-

ка. Один вздох — и пускались галопом кони-ветра, невообразимые бури.

Но мир, пускай полный чудес и красот, не мог удовлетворить пытливый ум вечных нимф. Когда дни стали походить друг на друга, когда собственные творения перестали радовать, когда бесконечная гармония довела до безумия, нимфы объединились и породили Жизнь. Жизнь, которой уготовано предать собственных создательниц.

Бесконечная пелена. Белизна, точно небесный свет, ослепляющий от одного лишь взора и поглощающий, как смертельная ловушка.

Промозглый холод. По щекам бьют беспощадные ветра, острые льдинки режут нежную человеческую кожу, как кончики игл.

И тепло. Мягкое, ласковое, беззащитное. Там, где останавливается дыхание, там, где вокруг лишь снежная пустота, тепло — последнее, за что держишься.

Но Феникс должен был его отпустить и одновременно удержать. Удержать и отпустить — схватить, но не обнять, защищать, но не прижиматься. Надо было помнить. Осталось только помнить.

Свернувшись калачиком, Феникс смотрел в огонь. Пляшущие язычки пламени, как беззаботные дети, танцевали сквозь бури и невзгоды, от которых их защищала большая спина родителя и создателя. Дать им познать хоть малейшее прикосновение холодного, беспощадного ветра — убить их, убить в них то, что делает их огоньками. Тепло.

Нельзя позволить огню погаснуть. Нельзя позволить теплу исчезнуть.

Нельзя позволить Мире забыть о том, что она — избранная великая княжна.

— Бр-р-р...

Вдруг из потока мыслей Феникса, точно за руку, вытянул Захария. Усевшийся по другую сторону костра, он укутался в с трудом сбережённую старую берскую шубу, подрагивая. Из его полноватых губ вырывались мелкие облачка горячего воздуха, растворяющиеся в полутьме.

— Так ты хочешь, чтобы я помог тебе прекратить общение с Мирой? — наконец собрался с мыслями Захария.

— Думаю, ты сам понимаешь, — безразлично отвёл взгляд Феникс. — Мои глупые чувства помешают и моей, и её миссии. Я очень жалею, что вообще взял её с собой. Подверг её такой опасности...

Мягкие объятия зверицы, что вновь обрела надежду, снова коснулись воображения Феникса словно заботливо накинутое на ночь одеяло. Так захотелось потянуться и укрыться... И так не хотелось отбрасывать, скидывать, убегать и забираться в угол, выгоняя сам образ нежности и тепла из головы.

— Я предупреждал тебя, что этого не нужно было делать, — выдохнул Захария. — Но я никак не думал, что сама Богиня вмешается...

— Мы лишь смертные, наивные и глупые, — отвечал Феникс, чувствуя яд собственных слов на губах. — Нам нужно было напутствие. Нужно сказать спасибо Создательнице, что она решила нас образумить.

Проследив за взглядом Захарии, Феникс вдруг понял, что друг его не слушает. Неожиданно он обнаружил, что Захария, подозрительно сощурившись, пристально смотрел в сторону — на спину сладко спящей Гили.

— Прости, я просто думал... И что я должен делать? Как мне удержать тебя? Ты же всё равно будешь что-то чувствовать к Мире, — вновь поворачиваясь к Фениксу, слегка сконфуженно произнёс Захария.

— Захария, будь проще: да, я влюблён в Миру. Это бесполезно отрицать, и неловко эту тему обходить, — устало вздохнул Феникс, приподнимаясь. — Это бывает со всеми. Но мне такая роскошь неподвластна.

— Ладно-ладно, хватит твоих пафосных речей... Ответь-ка лучше на мой вопрос.

За что он любил Захария, так это за простоту и практичность. Друг никогда не любил пустую болтовню и всегда переходил сразу к делу. Как и сейчас, когда Захария пристально сощурился уже в сторону Феникса, словно пытаюсь предугадать его следующий шаг.

— Всё просто, — усмехнулся Феникс, сам не зная чему. — Просто если видишь, что я начинаю уходить в общении с Мирой от дела, прерывай меня. Если видишь нас вместе, один на один — уводи меня в сторону. Не давай мне попасться в эту ловушку снова.

Вдруг Захария, к удивлению Феникса, напрягся.

— Любовь не ловушка. Феникс, не все такие, как твоя мать, — неожиданно отозвался он, твёрдо и чётко, сжимая руки в кулаки.

— Хорошо. Помеха. Я могу придумать тысячу причин, почему мне не стоит ни к кому привязываться. — Феникс тяжело вздохнул. — У меня есть предназначение, долг перед Богиней. Служба Ей — единственное, что действительно стоит страданий.

Феникс осторожно выпустил немного огня, и его руку тут же охватило пламя. Однако бесполезно: никакая волшебная сила не способна оттолкнуть воспоминания.

«Твоё рождение было ошибкой...»

Глава первая ЛЕДЯНОЙ СЕВЕР

*Д*авным-давно, далеко-далеко, на промёрзшей земле северного полюса родились королевства. Населили эти королевства особые люди — потомки духов этих мест, ледяных нимф. В силах этих людей было подчинить бурю, в жилах их от рождения текла кровь воинов, что овладели редким диким волшебством. И, подобно своим матерям, люди эти обладали особым нравом: свободолюбивым, строптивым и до жути свирепым.

Никогда не знали эти люди покоя, противостоя то буре за окном, то своим соседям и братьям. Раздробленные земли, погружённые в вечную битву с природой и с самими собой, называли подобающе — Ледяной Север.

Но однажды самый свирепый и мудрый из северян — король из династии Фростов — хитрым словом и крепким кулаком объединил Ледяной Север, а сам стал его конунгом — королём королей. Говорят, его в своё время прозвали Джерффрид Ледяное Сердце, ведь, когда король был совсем мал, его отец отдал его светлую душу взамен на власть над нимфами — собственными прародительницами, собственными матерями. Те, связанные договором, проклинали династию Фростов, заставив их испытывать сильную боль от доброты, радости и счастья.

Мировые Войны всколыхнули Ледяной Север. И заставили нимф вспомнить о давней вражде. Именно с Ледяного Севера мир начал разрушаться: люди стали умирать, короли — слабеть. Договор терял силу, и нимфы нашли возможность отомстить людям, державшим их взаперти всё это время. Ледяной Север окунулся в вечную бурю, навеваемую грозными духами. Казалось бы, пришло время полюса вновь стать необитаемым... Но...

1. Лёд

Ещё мгновение назад — тепло. Слабое дыхание пламенного юноши, лежавшего на моих руках. Спасение и радость, улыбка и счастье. Но спустя мгновение...

Покалывающая прохлада. Лёгкие снежинки в причудливом танце приземляются на кожу ладоней, тут же умирая и растворяясь. Уставшую спину укрывает пелена — плотное одеяло, словно положенное на спину мамой, пока я спала.

Не хочется открывать глаза. Звонкий непрерывный свист убаюкивает тысячью незнакомых древних голосов. Чувствуешь себя зверчонкой, совсем крохой, пока мама ти-

хонько напевает сладкую колыбельную о погружении мира в вязкую тьму ночи.

Но вдруг...

— Разойдитесь! Отступите, это п-приказ!

Голос... молодой, неуверенный. Я открыла глаза, чувствуя, как непривычный звук разрывает потусторонние песнопения и вырывает меня из сладкой теплоты сна.

— Уходи...

— Она наша...

— Ты нам не указ...

Беспорядочный хор сотни голосов разрывает уши, вынуждая приоткрыть глаза. Сквозь щёлочки век и ресницы, присыпанные снегом, я сквозь безжизненную белизну разглядела одну-единственную тёмную фигуру, движущуюся на меня через безумные беспорядочные ветра.

И, вопреки словам сотен голосов, фигура движется ко мне, а буря перед ней расступается. Я протягиваю потяжелевшую руку. Тело не подчиняется: накрывшее одеяло схватило руки и ноги в смертельные объятия.

Фигура опустила передо мной на колени. В неясных очертаниях я разглядела вытянутое лицо, тонкое тело и белые, как девственно-чистый снег, волосы. Я было подумала, что оказалась на Родине, если бы не одно «но»...

В волосах нет звериных ушей. Значит, это человек. Совсем как Феникс...

— Хей... Хей, ты живая? Ну же, поднимайся, я помогу...
Ласковый, добрый голос...

— Феникс... Фе... никс... — пыталась проговорить я, но в горле — несмотря на то, что всё тело будто было мокрое — пересохло.

— Ох, как же всё плохо... Эллиада, дай мне спасти эту несчастную душу. — Чьи-то дрожащие руки — совсем не

горячие, как у Феникса, а точно ледяные — подхватили мои плечи и ноги и подняли с земли.

— Кто... Кто ты?.. — пролепетала я, неосознанно хватаясь за белый мех его шубы.

— Тише, тише... Не трать тепло, не говори — держись, — пробормотал голос, и мне оставалось только подчиниться. Потяжелевшие веки неумолимо закрывались, сознание вновь погружалось в сладкую дрёму.

Последние слова, которые я услышала, надолго застыли в моей памяти:

— Проклятие слабеет... В следующий раз мы так просто не отпустим тебя, Олав Фрост.

* * *

На мгновение время будто прекратило свой ход, и я очнулась с громким вдохом полной грудью. Тепло, тепло, тепло... Всё тело ломило, кололо тысячью игл, но я наконец вновь ощутила себя живой. Ведь там — я знаю — я чуть не умерла...

Вскочив, я тут же огляделась. Свет... Он отражался голубым от ледяного замка, что окружил меня могучими высокими стенами. Словно вырезанные изо льда, они обступили меня эхом: каждый звук, будь то шуршание одеяла или моё сердцебиение, отражался от стен и врезался в потяжелевшие уши.

Отряхнув насквозь промокший мех, я попыталась понять, где оказалась. Мягкие перины, дорогие серебряные украшения, большие восковые свечи... Похоже, это покои кого-то действительно богатого.

— Проснулась? — спросил некто, и я испуганно вздрогнула.